

он просто рассказывал истории

Газета. - 2003 - 13 марта
- с. 15

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВ

Двадцатый век упивался своим литературным могуществом. Литература себе самой казалась всеисильной. Писатели чувствовали себя обладателями несметных богатств. Все представлялось возможным — сделать рассказ из телефонной книги или вкушение пирожного растянуть на многотомный роман. Магия слова превращалась в обыденную вещь и требовала научного обоснования. С любопытством ребенка, вскрывающего игрушечной машинке капот или отрывающего плюшевому мишке голову, филологические мужи пытались понять, как сделана «Шинель» Гоголя, как устроена литература. Разъятие на части ни к чему, разумеется, не привело, то есть ничего не объяснило. Лирика в этом не слишком отличалась от физики. Другое дело, что в результате «магия» куда-то улетучилась. Деконструктивизм привел к утрате вроде бы обыкновенных в прошлом литературных умений. Литература стала симулировать саму себя, подражать самой себе, имитацией скрывать бессилие. История, может быть, и не закончилась, но вот истории рассказывать некому. Не умеют.

Умер Себастьян Жапризо. Обыкновенно его причисляют к мастерам детектива. Другое дело, что сами французы никак не могут разобраться, что же он все-таки писал — *romans policiers* или «романы романы». И действительно, Жапризо не слишком укладывается в канонические рамки детективного жанра. И уж отнюдь не только остротой сюжетности он замечателен. Он был настоящим рассказчиком — что уже явление крайне редкое. Кажется, истории умеют рассказывать теперь только дети.

«Потребность рассказывать истории возникла у меня еще в детстве, в Марселе. В шесть или семь лет я обнаружил способность своими рассказами увлекать друзей, удерживать их интерес. Каждый четверг мой дед водил меня в кино. А затем я рассказывал фильмы своим друзьям во дворе. Я привирал, выдумывал целые эпизоды и кончил тем, что рассказывал фильмы, которых никогда не видел. Короче говоря, я сочинял романы». Жапризо ценил в себе рассказчика и юношескую непосредственность, то есть принципиальную незрелость. Во всяком случае, об этом он говорит, рассказывая историю своей жизни. Потому что Себастьян Жапризо — это тоже целая история. Он родился 18 января 1962 года между четырьмя и шестью часами вечера в Париже, в доме № 23 по улице Де Бон. До этого никакого Жапризо не было, а был Жан-Батист Росси, потомок неаполитанских эмигрантов, приехавших в Марсель, ученик иезуитской школы и слушатель Сорбонны. В семнадцать лет под именем Росси он написал свой первый роман, причем более чем успешный, а затем двенадцать лет работал в рекламном агентстве, не прикасаясь к художественной литературе вообще, если не считать переводов Сэлинджера.

Где бы вы хотели жить?

Там, куда уходит лето.

Ваш идеал земного счастья?

Быть любимым теми, кого я люблю.

Какие ваши любимые герои романов?

Чеширский Кот, Шалтай-Болтай из «Алисы в Стране чудес»

Ваши любимые героини в художественной литературе?

Алиса, Саломея, Электра

(из ответов на «Анкету а la Марсель Пруст»)

Он как будто намеренно не спешил жить взрослой жизнью, наслаждался беспечностью, как будто безответственно относился к своему писательскому дарованию. И впоследствии Жапризо признавался, что писал свои произведения карандашом на толстой бумаге, чтобы сложенные в стопку листы поражали своей солидностью. Абсолютно детская черта. Явная и для самого автора. Недаром он вспоминал, что, когда мать, еще во время войны, дала ему, семилетнему, почтовую открытку, чтобы он написал дяде, он вывел буквально следующее: «Я хотел написать тебе длинное письмо, но на этой открытке нет места. Обнимаю тебя. Твой племянник». В конце концов, взрослость — это рутина и уж точно отсутствие каких-либо историй...

Когда, оставив работу в рекламе, Жан-Батист обнаружил, что не может заплатить налоги за предыдущий год, он взял аванс у издателя детективов Робера Кантера и написал вместо одного два романа — «Купе смертников» и «Ловушка для золушки», опубликованных уже под именем Себастьян Жапризо (анаграмма подлинного имени писателя). Жапризо признали сразу. Все последующие романы — «Дама в очках с ружьем и в автомобиле», «Прощай, друг», «Убийственное лето», «Любимец женщин» вплоть до «Долгого воскресенья новобрачных» — лишь приумножали его славу. Он стал едва ли не самым кинематографическим писателем. Именно писателем, поскольку как сценарист тоже проявил себя. Почти все его романы экранизированы. Рассказчики в дефиците, а Жапризо был подлинным рассказчиком. Но плюс к тому — он обладал удивительным даром перевоплощения. И дело не только в том, что он с удивительной легкостью говорил от лица женщин (в «Любимец женщин» это в особенности потрясает — создать восемь столь различных женских характеров, целый женский космос, объединенный одной страстью, удается не каждому). Не только в этом. «Я никогда не видела моря» — так начинается роман «Дама в очках с ружьем и в автомобиле». Фантастическая фраза, если учесть, что Жапризо родился в Марселе и уж что-то, а море было ему хорошо знакомо. Наоборот, как раз не видевший моря человек казался невозможным. Эта фраза — уже история, уже целый роман, уже начало перевоплощения, сеанс магии, если хотите...

Ваше любимое занятие?

Ничего не делать.

Главная черта вашего характера?

Верность.

Какое самое большое ваше несчастье?

Я смертен.

Кем бы вы хотели быть?

Исключением, подтверждающим правило.

Ваша любимая птица?

Птичка, которая якобы вылетит из фотоаппарата, когда тебя фотографируют.

Как бы вы хотели умереть?

Старым.